

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VIII (XXII)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(15–17 апреля 2021 г.)

Выпуск 22

Томск
Издательство Томского государственного университета
2021

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY
Faculty of Philology

**ACTUAL PROBLEMS
OF LINGUISTICS
AND LITERARY STUDIES**

Proceedings of the VIII (XXII)
International Scientific and Practical Conference
of Young Scientists
(April 15–17, 2021)

Issue 22

Tomsk
TSU Press
2021

даться и достичь счастья. Нельзя не отметить и противопоставление цветов: персонифицированная Любовь облачена в белые одежды, юноша представлен в темном одеянии. В контексте настоящего произведения белый цвет – символ чистоты и истины. Кроме того, над образом ангела Бёрн-Джонс разместил стаю птиц, что, несомненно, является знаком свободы. Любовь способна «окрылить» юношу после долгих терзаний.

Таким образом, анализ картин прерафаэлитов существенно облегчает понимание авторских интенций, которые заключались в использовании символов как носителей культурной памяти и имплицитных показателей состояния героев.

Литература

1. Храпченко М.Б. Семиотика и художественное творчество // Контекст: литературно-теоретические исследования. 1973. Т. 1972. С. 13–77.

2. Ильин А.В. Английское движение прерафаэлитов как «контркультурное» явление // Исторические философские политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9. Ч. 1. С. 51–56.

3. Корнилова Е.Н. Символика образа Офелии в модернистском дискурсе и его воплощение в поэзии раннего немецкого экспрессионизма // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2018. № 2. С. 146–162.

4. Тресиддер Д. Словарь символов. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tresid/der/tresidder_d/slovar_sim/index.htm (дата обращения: 28.04.2021).

DOI: 10.17223/978-5-907442-02-3-2021-157

ОЛЬФАКТОРНЫЙ ОБЛИК РУССКОЙ БАНИ

Березовская С.С.

Томский государственный университет, канд. филос. наук, доцент

Авдеева А.Ю.

Томский государственный университет, студент

THE OLFACTORY IMAGE OF RUSSIAN BANYA

Berezovskaya S.S.

Tomsk State University, PhD, assistant professor

Avdeeva A.Y.

Tomsk State University, student

В статье исследуется облик русской бани. Рассматриваются особенности принятия бани и запахи, сопровождающие это действие. Анализ ольфакции под-

тверждает, что запахи наделены культурными значениями и участвуют в общественной жизни.

Ключевые слова: баня, запах, ольфакция, травы, ритуал.

The article researches the image of Russian banya. The features of taking a banya and the smells accompanying this action are considered. Analysis of olfaction confirms that smells are endowed with cultural values and participate in social life.

Key words: banya, smell, olfaction, herbs, ritual.

Запахи составляют неотъемлемую часть повседневной жизни людей, сопровождая их на всём её протяжении. Тем не менее, обоняние как специфический канал коммуникации достаточно слабо отрефлексировано в научном дискурсе ввиду эфемерности объекта изучения, а также в силу субъективности восприятия запаха человеком. Существенной проблемой представляется также вербализация обонятельного впечатления. Недостаточность ольфакторной лексики побуждает обращаться при описании запаха к таким приёмам, как метонимия (запах чего-либо) и метафора (оценочное суждение в отношении некоего запаха), что и будет продемонстрировано ниже.

Безусловно, запах является значимым культурным феноменом. Используя запах как знак, индивид способен конструировать свой образ, осуществлять саморепрезентацию. Более того, обонятельные коды служат инструментом объединения людей, ведь именно обоняние информирует нас о том, с кем мы контактируем. Следует также отметить, что запах часто выступает как триггер воспоминаний (так называемый «эффект Пруста»). Разумеется, здесь следует учитывать ольфакторный опыт индивида, под которым условимся понимать совокупность обонятельных практик, усвоенных в определённых социокультурных условиях. Как пишет О. Б. Вайнштейн, «эмоциональная аура запаха целиком зависит от традиции, воспитания, момента и контекста» [1. С. 8].

Отметим также, что запах известен своей способностью вызывать культурные ассоциации. У Шарля Бодлера в очерке «Бедная Бельгия» содержится рассуждение о запахах различных городов и стран: «Париж, говорят, пахнет и пах кислой капустой. Кейптаун пахнет бараниной. Некоторые тропические острова пахнут розой, мускусом или кокосовым маслом. Россия пахнет кожей...» [2]. Видимо, не случайно парфюмеры, создавая ароматы, посвященные России, часто включают в них такой аккорд, как «грубый запах русской юфти» (Э. Золя), то есть аромат кожи с нотами дыма и дёгтя. Любопытно, что эти и многие другие ароматы встречаются в русской бане, которая интересна тем, что «сплавляет различные сущности в единое обонятельное целое» [1. С. 50].

Традиционная парная баня упоминается уже в «Повести временных лет» в сообщении о путешествии апостола Андрея Первозванного в Словенскую землю, где святой увидел следующую картину: «Видех бани древены, и пережгутъ е рамяно, и совлокутъся, и будутъ нази, и облеютъся квасом усняным, и возьмутъ на ся прутье младое, и бьютъ ся сами, и того ся добьютъ, едва слезуть ле живи, и облеются водою студёною, и тако ожить. И то творять по вся дни, не мучими никим же, но сами ся мучать, и то творять мовенье собе, а не мученье» [3. С. 12]. Уже из этого фрагмента следует вывод о чистоплотности наших предков, что неоднократно фиксировалось европейцами, оказавшимися в России. К примеру, французский писатель Теофиль Готье в своей книге «Путешествие в Россию» отмечает, что «русский мужик чист под своими лохмотьями, ибо он каждую неделю ходит в баню» [4. С. 30]. Очевидно, что иностранцы воспринимали русскую баню именно с позиции отправления гигиенических потребностей, когда с помощью горячей воды, специально отобранных веников и трав с тела удаляется «старая кожа». В то же время роль бани в крестьянском обиходе гораздо сложнее, ведь «помимо своей непосредственной функции, баня имела также множество других – утилитарных и обрядовых, рациональных и иррациональных» [5. С. 27–28]. Важнейшими из утилитарных функций могут быть признаны гигиеническая и лечебная, но и они встраивались в контекст «банной» обрядности. Речь идёт об изгнании болезнетворных духов. С этой точки зрения даже элементарные профилактические манипуляции, совершаемые в бане, были не лишены ритуально-магической подоплёки (сопровождались заговорными ритуалами, причётами и т.п.). Наконец, баня выполняла функции семейно-родового святилища. На значимость бани в родильной, свадебной и похоронной обрядности указывает, в частности, А. Г. Бобров в статье «Древнерусская “мовь”» [6]. По его мнению, мотив «волшебного преображения» (магического изменения облика) в русском фольклоре также сопряжён с баней. Своеобразное подтверждение тому находим в сказке Петра Ершова «Конёк-Горбунок», где Царь-девица даёт наказ пожилому царю: «Вот, коль хочешь ты жениться / И красавцем учиниться – Ты, без платья, налегке, / Искупайся в молоке; / Тут побудь в воде варёной, / А потом ещё в студёной. / И скажу тебе, отец, / Будешь знатный молодец!» [7. С. 52]. Интерпретируя этот сказочный сюжет, можно отметить, что последовательное купание героя в «контрастной» воде и есть типичный алгоритм принятия бани. Кроме того, здесь усматривается реализация фольклорной формулы человекотворения, о которой упоминает-

ся в работе Неонилы Криничной «Русская мифология: мир образов и фольклора». Данная «формула» включает в себя такие элементы, как «живая» (ключевая) вода, «живой» огонь и дерево [5].

Итак, обозначив значение и место бани в жизни русского человека, далее обратимся к анализу и описанию банного локуса в аспекте ольфакции, для чего было принято решение экстраполировать известную модель обонятельной пирамиды на объект исследования – русскую парную баню. Представляется, что запах берёзового дёгтя составляет ядро банного аромата, его базу. Дело в том, что в исконно русской бане очаг не имел дымохода, а значит, баню топили «по-чёрному» берёзовыми дровами. Дым, распространявшийся по помещению, выступал в роли дезинфицирующего средства. При этом сам воздух в бане становился едким и горьким из-за содержания в нём летучих частиц берёзового дёгтя.

Специфическим источником запаха в бане признаётся веник (средние ноты в структуре ольфакторной пирамиды). На изготовление банных венников шли молодые побеги деревьев, известных своими апотропейными свойствами (берёза, дуб, рябина, можжевельник). Считалось, что берёзовый веник способен исцелить от множества заболеваний. Дуб у славян олицетворял собой силу и был посвящён богу-громовержцу Перуну. Согласно народно-бытовым поверьям, «дубовые веники – для тех, кто более выносливый и особенно любит попариться» [8. С. 8]. Можжевельниковые ветки довольно часто вкладывались в дубовые и берёзовые банные веники. Что касается рябины, то рябиновые ветки вплоть до рубежа XIX–XX вв. использовались при магическом хлестании человека, благодаря представлению о рябине как о «чистом» дереве [9]. Особое внимание обращает на себя обрядовый инструментарий, используемый в бане во время Ивановской ночи. В паренье тогда участвовали специальные веники, дополненные различными цветами, среди которых выделялась группа травянистых растений «Иван-да-Марья» [10]. К «магическим» растениям также относились чертополох («чертогон»), дымом которого окуривали больного, положив эту траву на печь-каменку [11. С. 21].

Создание так называемого «лёгкого» пара в бане происходило за счёт применения настоев лекарственных трав (верхние ноты). В рамках банного обряда главным образом использовались субстанции растительного происхождения – мытель, кисляждь, квас уснианный. Примечателен тот факт, что практика обмывания новгородцев квасом и мытлью зафиксирована в «Повести временных лет» [3]. При этом под словом «мытель» следует понимать наружно применяемый навар из душистых трав, среди

которых могли быть мята («нюхальник»); тысячелистник («пахучая трава»); душица и т.д. В свою очередь упоминания о «кисляжди» встречаются в «Повести о Петре и Февронии Муромских» [12]. В ней Феврония лечила князя Петра в бане, используя хлебную закваску, иными словами, «кисляждь». Учитывая, что «квас усниный» использовался в кожевенном промысле, данное вещество вызывает определённые трудности при соотнесении его с баней. Однако в словаре В. Даля квас усниный определяется как «взвар травы ушицы, купальницы, коим мылись в бане» [13. С. 498].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что баня является одной из самых сильных и запоминающихся характеристик культурного ландшафта нашей страны. Она представляет собой совокупность и средоточие всех функций – от утилитарных до сакральных. Бане соответствует идентифицирующий её локусный аромат. Последний является сложным, многосоставным запахом, в структуре которого можно выделить различные фитозлементы. Интересно при этом то, что естественный запах человеческого тела исключается из банного локуса, что подтверждается фольклорными текстами, где герой принимает баню накануне путешествия в иные миры (Кошеево царство) и, думается, делает это с целью отбить «человеческий дух».

В целом, ольфакторное пространство традиционной русской бани можно описать при помощи метафорического обозначения («живой» – «живая» вода, «живой огонь») или через метонимию (например, «веник лечит»), а также через ряд ассоциаций – синтез осязания («горячий», «студёный») и обоняния («душистый», «пахучий»); цвет («чёрный», «красный»); интенсивность («едкий»), вкус («горький», «кислый»), мышечные ощущения («лёгкий» пар).

Литература

1. Вайнштейн О.Б. Грамматика ароматов // Ароматы и запахи в культуре. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 616 с.
2. Бедная Бельгия / Труайя А. Бодлер. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=158919> (дата обращения: 12.04.2021).
3. Повесть временных лет. Ч. 1. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1950. 407 с.
4. Готье Т. Путешествие в Россию / Т. Готье. М. : Мысль, 1988. 396 с.
5. Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М. : Академический Проект; Гаудеамус, 2004. 1008 с.
6. Бобров А. Г. Древнерусская «мовь» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. 56. С. 94–120.

7. Ершов П.П. Конёк-горбунок. Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1972. 62 с.
8. Никонова Л.И., Кандрин И.А. Бая и север: к истории вопроса и традициям культуры. // Арктика и Север. 2011. № 4. С. 1–25.
9. Тульцева Л.А. Рябина в народных поверьях // Советская этнография. 1976. № 5. С. 88–99.
10. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М. : Наука, 1979. 150 с.
11. Бобров А.Г. Бая в древнерусской литературе // Сборник статей и материалов Девятой международной летней школы по русской литературе. Цвелодубово, 2013. С. 14–28.
12. Повесть о Петре и Февронии // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. СПб. : Наука, 2000. С. 452–471.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М. : РИПОЛ классик, 2006. 672 с.

DOI: 10.17223/978-5-907442-02-3-2021-158

**КУЛЬТУРНАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КРАСНОГО ЦВЕТА
(НА МАТЕРИАЛЕ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОЙ ЭКРАНИЗАЦИИ
СКАЗКИ «КРОШЕЧКА-ХАВРОШЕЧКА»)**

Голиков А.А., Дзюба Д.Р.

Томский государственный университет, студенты

**CULTURAL AMBIVALENCE OF RED COLOR (BASED
ON ANIMATED FILM ADAPTATION OF THE FAIRY TALE
«KROSHECHKA-KHAVROSHECHKA»)**

Golikov A.A., Dzyuba D.R.

Tomsk State University, students

В статье рассматривается амбивалентная семантика красного цвета, проявленная в структуре образов персонажей мультфильма «Крошечка-Хаврошечка» (2007). Особое внимание уделено семантическим свойствам красного цвета, формирующимся на разных исторических этапах, и их влиянию на семантику художественного текста.

Ключевые слова: красный цвет, культурная амбивалентность, семиотика искусства, мультипликационный фильм, студия Пилот, Инга Коржнева.

The article considers the ambivalent semantics of red color, which is manifested in the structure of characters' images in animated film «Kroshechka-Khavroshechka» (2007). Special attention is paid to the semantic properties of red, which are formed at different historical stages, and their influence on the literary text semantics.

Key words: red color, cultural ambivalence, semiotics of art, animated film, Pilot studio, Inga Korzhneva.

Научный руководитель: Э.Г. Новикова, канд. филол. наук, доцент ТГУ.